

Повесть Эдуарда Русакова «Полуголый король» из книги «Майский сон о счастье» (победитель номинации «Проза» премии имени Ф. Искандера, 2017) вызывает мощный катарсис, эффектом вполне сопоставимый с впечатлением от классической трагедии. Любовь и мир, в котором для любви не находится места. Неискушённая девушка и циничный красавец-поэт. Обожание и снисхождение. Постель и бритва. Оцепенение от развязки, и желание понять—почему?

Как на духу, ничего не скрывая, рассказчица Люся принимает случившееся сначала за сказочный подарок, затем как злую судьбу. Капканом клацает финальная строка, от которой физически тянет стужей: *«Душа моя мертва»*. Утопленником, упомянутым на первой странице повести, всплывает мысль: так это... записки мертвеца? Вот почему, чем дальше по тексту, тем ощутимее становится не по себе. По-житейски простые события предстают словно под росчерком очередного граффити, усиленного, как и положено, позицией умолчания, в которой Люсю обдаёт смутной догадкой о встрече с силами, вызывающими безотчётный нарастающий страх.

Короткая исповедь (менее сотни страниц), как по ломаной линеечке изложенная от точки «любил» до точки «убила», вроде должна быть проста и понятна—нисколько! Под внешними картинками повествования колышется мрачная стихия иррационального, настойчиво требующая интерпретации происходящего.

Самое неожиданное в этой истории—реакция героини на убийство: спустя много лет она не только не испытывает раскаяния в содеянном, но продолжает любить своего хохочущего фантома, пребывая в состоянии самом противоречивом. Мотивы смеха и страха пронизывают повесть насквозь, переплетая и стягивая отношения в узел, который можно лишь разрубить, что Люся и делает, пытаясь освободиться, но безуспешно: наступило смирение, но отнюдь не облегчение. И кто знает, что ждёт героиню за чертой жизни, куда зовёт её хохочущий призрак в золотой короне?

...а может, он жив? Нет-нет-нет, я его убила. Теперь уже всё равно, всё равно. Или... нет, ничего не пойму. Если я его убила—почему я мертва, а он

жив—и не даёт мне покоя? А если он жив... если он жив—я снова убью его!.. я убивала его много раз!.. я убила его... я хотела его убить... не могла иначе.

Читателю разрубить не дано, и потому придётся тянуть с разных сторон повествования то одну ниточку, то другую в поиске ответов, в поиске зерна света в провале иррационального, потому что выход оттуда необходим: жизнь питается порядком, человек нуждается в освоении опыта, если хочет жить осмысленно и двигаться дальше.

О повествовательнице Люсе известно немного. Сирота, художница, тихоня, до роковой встречи она работала и готовилась к поступлению в полиграфический институт.

Прекрасный облик поэт, Валерий Поляков появляется из далёкой зимы 1975 года в воспоминаниях постаревшей Люси. Днём и ночью её посещает видение *прекрасного короля, обнажённого, в золотой короне (... он зовёт меня! Зовёт и хохочет*. Она часто рисует его, но, спохватываясь, тем же фломастером стыдливо набрасывает на него какую-нибудь одежду, так что король становится полуголым. Ей так и не удастся «обнажить» его насколько-то продолжительно, чтобы понять и освободиться.

Впрочем, свобода...

А что это такое—свобода? Зачем она мне? Она мне совсем не нужна. Мне нужен человек, без которого я не могу обойтись. Мне нужно быть постоянно возле него... любит, не любит—не так уж важно... хотя важно, конечно... но мне—лишь бы с ним, без отрыва, всегда, навсегда. Магия желаний и их реализации насквозь пронизывает воспоминания Люси, но она, словно заговорённая, скользит по поверхности, утешая себя тем, что *это—моя жизнь, мой единственный вариант, и другого и быть не может, и не требуется.*

Первая фраза, произнесённая при знакомстве Валеры с Люсей, символично заявляет об окончании движения: *«Так на чём мы остановились?»* С первых слов Валера, казалось бы, предлагает встречу воспринимать как случайную и непродолжительную: какая разница, как зовут эту молоденькую девушку с веснушками на плечах, Лариса или Люся? Но за первыми впечатлениями

и до последней строки читателя не оставляют сомнения: что происходит на самом деле?

Встреча для Люси оказалась вершиной умопонарачительного счастья и обрывом с него, но она об этом ещё не знает, как не знает саму себя— всё у неё ещё только случится, хотя и со знаком минус. Через Валеру. Отныне она видит мир сквозь него, видит не столько окружающую действительность, сколько пассиву в ней— своё ослепительное солнце. Все планы, что были до встречи, растворятся как не было. Кажется, даже люди в её восприятии появляются ниоткуда, с ним, с её Валерой, вступают в контакт и опять в никуда исчезают.

С первой встречи на многолюдной вечеринке Валера, которого Люся приняла и за танцора, и за пианиста, вообще *всё, что он ни делал, этот молодой человек,— было очень красиво*, очаровывает её поразительной красотой, томным одиночеством и избранничеством: *лишь один человек— выделялся*. Он сообщает о грядущей публикации своей первой книги стихов и шокирует Люсю странным мировоззрением, которое не только не скрывает, но элегантно демонстрирует. С первых минут Люсю посещает догадка, что окружающие *для него— просто плохие партнёры, статисты*.

Походя Валера оскорбляет Люсину подругу и свою бывшую любовницу Вику Повидлову, опошляет улыбку Джоконды. Восхищается редким красноватым оттенком каштановых волос и золотыми глазами Люси и тут же снисходительно отмечает её «низкорослость». Люся было пытается от него сбежать, но красавец ни на шаг не отходит от девушки, в свою очередь поразившей его скрытым порывом при знакомстве встать, чтобы по-старинному сделать книксен, и прелестной невинностью. Под саркастические комментарии он показывает Люсе местных литературных «монстров», усиленно накачивается алкоголем, впадает в трогательное оцепенение от дурковатого фантаста, лицедея «страсть в ничтожестве», и под предложением маскарада сражает публику дерзким появлением в обнажённом виде. Приз за «лучший костюм» на маскараде он получил— Люсину любовь, попутно позволив ей сыграть дебютную роль спасительницы. От стремительной смены неожиданных сцен Люсе станет страшно до вскрика, её любовное признание под пьяный смех Валера обзовёт пошлостью, но *голый король в золотой бумажной короне... беззащитный и смелый... и даже без фигового листка* отныне станет её судьбой. Впрочем, взаимно.

Позже Валера спросит Люсю, не было ли ей стыдно за него во время маскарада? Она ответит, что он был красив, ей было не стыдно, а страшно. Этот непонятный страх в дальнейшем будет лишь нарастать.

Стремительное знакомство вылилось в деятельное продолжение— Люся на такси увозит

пьяного Валеру к нему домой, где и остаётся. Период ухаживаний остался в прошлом, уложившись в краткий полонез первой встречи: *он повёл меня плавно и галантно— словно партнёр в старинном бальном танце (как они там назывались? Менуэт? Мазурка?)— по комнатам огромной квартиры*. Не ждут Люсю с поэтом ни прогулки, ни цветы, ни даже стихи, не будет душевных разговоров— ни в чём подобном Валера не нуждается.

Обаяшка— так назвала Вика жестокого, но ужасно милого поэта, прощая ему абсолютно любые выходки, прошлые и будущие. Люсю от ревности будет передёргивать: женщины ахают непрерывно, сражённые мужчиной, самой природой созданным для любви и напроочь обделённым этим чувством. Любовь (родство душ) и похоть Люся вполне различает, но решает: *ничего не надо, лишь бы Валера был рядом. А точнее: лишь бы я— рядом с ним. (...)* Каждое утро, проснувшись и глядя на его спящее лицо, я благодарила судьбу и молча молилась: *пусть так продолжится хоть немного, не вечно, не долго, хоть сегодня и завтра, и ещё чуть-чуть, ну, пожалуйста...*

Жил Валера в однокомнатной квартире. 1975 год— кто был прописан в этой квартире ранее и каким образом Валера в неё заселился, остаётся только гадать— о своих предках и связях он не распространяется. Его жильё набито книгами, пластинками (музыки мы не услышим, не увидим ни одной книги) и безделушками, напоминающими больше театральный реквизит (*веера, букеты высушенных цветов, крашеных перьев, шкатулки, вульгарные фаянсовые статуэтки*), которые никогда не подвернутся под руку, не разобьются и не сломаются. От пыли Люся ни разу не чихнёт, ни одну шкатулку не откроет и, конечно, ничего там не обнаружит. Валера с гордостью укажет на швейцарские часы с боем (неясно, работают они или только украшают интерьер) и *старинн(ую) бритв(у), экстра-класс, бельгийская сталь*, которая находится в постоянном употреблении. Вещи важны для Валеры, в то время как Люсе важен лишь сам Валера, настолько, что она ничего не привезёт с собой из общежития, где жила, не упомянет ни о чём, что хотела бы забрать в новую жизнь, похоже, даже хобби она не имела, а если имела, то не вспомнила.

Он любил комфорт— и я стала завершением его домашнего комфорта. Он был со мной очень ласков— как с собачкой или славным, но чужим ребёнком.

Люся работала, много. Валера много пил (после «обнажённой» выходки «накрылась» книжка стихов, закрылись многие двери), зарабатывал мало, но Люся материальные заботы взяла на себя и даже *испытывала наслаждение от сознания того, что он от (неё) зависит. (...)* Эта его зависимость от меня... ах, как же это было сладко! Если честно

и просто—я с радостью покупала его любовь... то есть мне казалось, что—покупаю... Да я бы с удовольствием купила и его самого, целиком, полностью...

На первый взгляд кажется удивительным, что любовь художницы и поэта, несмотря на его бесконечную театральность (*каждый день обязательно что-нибудь врал, придумывал, сочинял, — словно репетировал, проверяя на мне свою фантазию*), станет для Люси воистину нудной прозой, к тому же именно так—прозой, их сожительство и назовёт Валера. В воспоминаниях Люси описан вечерний маленький пир «во время чумы» с декламированием Пушкина—своих стихов Валера не читал никогда. И хотя Люся открыто не сетует, несложно догадаться, что у неё не было потребности ни в домашних, ни в выездных «представлениях», они тяготили её, а это, в свою очередь, не мог не чувствовать впечатлительный Валера. Неспроста он спросил при знакомстве: не карикатуристка ли Люся? И пожалел, узнав, что «просто» художница—ведь вокруг столько карикатур! То-то бы они вместе повеселились—так и слышалось «между строк» его плавного красивого жеста, указующего на персонажей. Однажды он рассказал Люсе, как выглядит рай: белая комната, кровать и никого, потому что другие—это уже ад. *Позднее я часто вспоминала: ад—это другие*. Лишь по ночам они друг для друга другими не были.

Пройдёт полгода.

Отношения Люси и Валеры из зимы переместятся в лето, символично минувя весну—традиционное время любви. Начавшись зимой, поздней осенью или началом зимы того же года наступит развязка: на последнюю встречу с Валерой Люся побегит сломя голову, наспех надев пальто и пуховый платок—это и будет единственным указанием на время года.

Первый серьёзный конфликт мировоззрений любовников прогремит летом, с появлением родного брата Валеры—Кузи, о котором Люсе до сих пор ничего не было известно. Он сообщит о смерти матери, которая также до этого случая Валерой не упоминалась.

Вместе с Кузей Люся будет горевать об умершей матери, но появившийся Валера снесёт идиллию, грязно отозвавшись о старой пьянчужке. Визжа и трясясь от ненависти, на стон брата «Бедная мама» и его упрёк в том, что тот их бросил, взбешённый Валера извергает кощунственную тираду.

Мне было стыдно, что у меня—такая мать... вот я и сбежал! И потом—я хотел быть свободным. И не жалею ни о чём. А оплакивать горькую пьяницу, которая случайно—совершенно случайно!—была моей матерью, я не собираюсь. (...)

Ах, мать—это святое слово! Ах, мать—это... это... это четыре буквы—и всё! Фу! По-вашему,

каждая женщина—святая? Ведь почти каждая—мать! Так, что ли? Так? Да вы что, в конце-то концов, за дурака меня принимаете?

На увещевание опомниться: *ведь нельзя так—о матери... нельзя...*—Люся от взгляда Валеры отшатывается. Она перепугана, Кузя выглядит контуженным. Однако ночью Люся видит спящего у подоконника Валеру с лицом, мокрым от слёз. *Никогда я так сильно не любила его, как в ту ночь*. Ей хочется верить, эти слёзы—о матери.

Кузя—человек совершенно другого склада, нежели брат. Он искренне любит и жалеет маму. Работает в милиции, мастер карате, собирается поступать в институт на юридический факультет. В детстве за излишнюю упитанность его дразнили дети, теперь над его внешностью (*неприлично румян и лыс*) потешаются девушки, но он не озлобился, не потерял веру в доброе начало.

По возвращении с похорон герои единственный раз выезжают на природу—ярким солнечным днём. Это тем более показательно, что основной хронотоп повести локализуется преимущественно в закрытых помещениях, нередко в вечернее, ночное время: в квартирах юбиляра Бармалаева, Валеры, под дверью его квартиры, в общежитии, на рабочем месте Люси. Своей воспоминания она ведёт из дома в Подмосковье, откуда во сне летает над нелюбимым городом с обглоданным названием Кырск, в перечислении топонимов которого (остров Отдыха, Караульная гора) безошибочно узнаваем Красноярск.

На пикнике у родника, под пение птиц, среди цветов познакомятся и полюбят друг друга Вика и Кузя. *Он даже в институт её провожал, и встречал после занятий, и цветы дарил, и радужные планы строил. Когда они шли рядом, за версту было видно, что это—влюблённые*. И отношения, и характеры героев второго плана, противопоставленные главным героям, усиливают страдания Люси, вынужденной соглашаться с жёсткими правилами игры своего короля. Она тоскует по нормальной любви, ожидаемой в нормах культурных традиций.

Вика Повидлова, оптимистка и отличница, будущий акушер-гинеколог, очень любит свою работу и убеждена, что *самое благородное дело—помогать рождению ребёнка*. *Самое глупое дело*, бурчит ей в ответ Валера. Вика, в отличие от Люси, любопытна, неутомима и всегда в кого-нибудь влюблена. К жизни она относится с необременительной практичностью, непривязчива и надеется встретить настоящую любовь.

Беспечная Вика не просто подруга Люси, она—слепое орудие рока с широким спектром возможностей. Вика «начинает и выигрывает», ей «поручено» знакомство Валеры с Люсей и вызов её на исполнение завершающего акта. Невинный рассказ Вики о рождении младенца с синдромом

похмелья укрепляет Валеру в его праве обвинять и презирать мать.

Хроническое поношение святого угрожающе набирает обороты, вызывая необратимые изменения в чувствах Люси: любовь со скрипом и болью перерождается в ненависть, намертво пропитанную зависимостью от пассивности.

Впервые Люсе захотелось ударить Валеру, когда тот брезгливо обозвал пошлятиной пастораль у ручья: *среди слабо белеющих в темноте ромашек — сидели, обнявшись и босиком, Кузя с Викой. Они — пели.*

Их скорую свадьбу Валера твёрдо намерен расторгнуть, считая себя обязанным уберечь Кузю от опрометчивого решения (шлюха брату не пара), ведь, кроме брата, у него никого нет.

— А я?... — *прошептала я, чуть не плача. — Меня ты совсем не любишь?..*

— *Ну, перестань. Будь умницей.*

Потрясённая Люся взывает к памяти о первой любви, на что Валера с остервенением сообщает о соблазвившей его, девятиклассника, сорокалетней соседке, которую он, смеясь, называет «первой учительницей». Люся в ужасе просит его замолчать.

Впервые Люсе захотелось убить Валеру, когда тот, зная слабое место — жалостливость Вики, спровоцировал её при всех на любовное признание, сказав, что с Люсей он живёт *просто так, назло*. Интересно, что в своей игре в убитого вестью тайно влюблённого Валера действительно назвал предполагаемый срок своей женитьбы — когда выйдет книжка и решится его литературная судьба, хотя на тот момент, судя по содержанию, брак в его планы не входил. Это дополнительно показывает, что «свободный» Валера совершенно не понимает себя: при агрессивной декларации независимости его настроением и поступками управляет исключительно среда.

Кузя, видя измену невесты, под издевательской насмешкой брата теряет сознание. Вика по простодушию не может понять злой умысел давнишнего приятеля. А Люся объявляет о своей ненависти, не будучи в состоянии сдержаться, после чего Валера её прогоняет. Тут-то и начинается искус, который Люся не выдержала, и не выдержала дважды.

Никакой любви, вроде, не осталось — а без него всё равно не могу. (...) Если б он умер — мне стало бы легче.

Люся видит мучительный и загадочный сон, в котором, задышавшись, пытается догнать убегающего Валеру по нескончаемой лестничной клетке: *я всё бегу, а сверху доносится недосыгаемый жестокий смех*. В слезах и поту она просыпается.

Приступы изнуряющего отчаяния, ревности и появившейся тошноты усугубляют состояние Люси. Вскоре, не выдержав напряжения разлуки, она устремится к дому Валеры, увидит его, входящего с девушкой в подъезд и, окончательно потеряв над собой контроль, бросится следом. Макабрическая

ночная пляска под дверью, запятнанной кровью её разбитой руки, галлюцинации смеха из замочной скважины, сексуальные фантазии, лихорадочный поиск женщины по закоулкам квартиры довершат метаморфозу — когда под утро Валера откроет дверь, через порог шагнёт уже другая женщина. — *Плевать. (...) Мне теперь на всё плевать. От меня ничего не осталось. Делай со мной что хочешь — я от тебя не уйду. Хоть убей.*

— *Зачем же убивать,* — возразил он тихо. — *Убивать — нехорошо... Живи.*

И посмотрел на меня с любопытством и лёгкой тревогой.

Однако Валера неплохо выспался — несмотря на мой нескончаемый стук. Выглядел очень свежо — ясноглазый, успевший побриться, в чистой сиреневой рубашке. По его виду можно предположить, что Валера ждал возвращения раскаявшейся Люси, триумфально наслаждался сценой унижения и, удовлетворённый, выспался, а утром невольно поразился увиденным. Эту же цветущую рубашку он наденет для последней встречи — умрёт красивым, как и появился.

С возвращением Люси Валера тоже начинает меняться. Смутно он догадывается, что ситуация вышла из-под контроля — Люся уже не та, хотя и вернулась по своей воле. Но... по своей ли воле она вернулась? Ведь, по её словам, от неё ничего не осталось — это состояние Люся принимает как данность. На всякий случай Валера стал явно *потише*. *Я бы сказала: добрее, — но я не верила в его доброту. Не верила в возможность доброты. Даже его редкие слёзы, свидетелем которых я однажды оказалась, — это были злые слёзы.*

Ни слова не сообщая Валере, вообще никому не сказав о беременности, Люся делает аборт. Видимо, близких подруг в общезнании у неё не было, Вика на тот период словно исчезла. Не исключено, поделился Люся своими сомнениями хотя бы с кем-то, тем более с Викторией, женщины всем миром убедили бы её рожать. Но чего не случилось, того не случилось. И хотя Люся комментирует решение самообманом — *чтоб не думать, будто я его собралась шантажировать* — несложно догадаться, что на данный момент это пока единственно доступная ей месть за надругательство над её чувством, за уничтожение личности. Вполне возможно, что как раз женский инстинкт (позже она назовёт его подлым), «подбил» её на этот довольно тёмный для неё шаг. Много лет спустя Люся, сожалея, вспомнит: *если б я в тот раз этого (убийства нашего ребёнка) не сделала, вообще всё могло бы повернуться по-другому...*

(...) Жили спокойно. Каждый — сам по себе. Разговаривали редко, так лишь — обменивались репликами.

Однако Люся не теряет надежды склонить Валеру на откровенность, страстно желая понять, что

она для него значит, что он за человек, что для него — главная? Стихи? Независимость? Стремление доказать окружающим и самому себе собственную уникальность? Но Валера твёрдо убеждён, что между мужчиной и женщиной не должно быть задушевных бесед. Убеждён, что мужчина и женщина не способны найти общий язык. Убеждён, что женщина озабочена лишь одним: как победить? Как сожрать его с потрохами, своего ненаглядного? (...) — *Всё не то, не то, не то,* — тоскливо шептала я, но не вырывалась из его снисходительных объятий.

Что — не то? О чём не догадывался Валера? О том, что вся его жизнь, взгляд на неё и есть не что иное, как пресловутый бой с собственной тенью, который ему видится лишь в бессмысленном споре с женщиной? Люся прекрасно понимала: Валера не стал бы её и слушать. Однако и самой себе она вряд ли могла признаться в природе нарастающего страха. Тем более что теперь потерять Валеру она почти не боится — после злопамятной ночи он стал заметно мягче и заботливее. *Я с тихой радостью начинала убеждаться: он привыкает ко мне, он уже почти мой...*

Присутствует устойчивое ощущение, что героине присвоен авторский взгляд в её размышлениях в духе собственничества и фатальной зависимости от сексуальных утех — оба этих мотива звучат недостаточно убедительно.

Сложно определить однозначно на основании текста, как Люся воспринимала Валеру: как объект эстетический (духовный) или геденистический (физиологический). Люся попала под чары неотразимого образа, под античную прелесть совершенного телосложения и вполне могла воспринимать любовника как изысканное произведение искусства, рядом с которым волей небес ей позволено жить. Но Люся даже в мыслях не пытается «посадить» Валеру под замок, внушить зависимость от её присутствия, не молит о каких-либо ограничительных обстоятельствах — она просто желает быть рядом, мечтает слушать его стихи, говорить о разном, что вполне естественно. Она не заносится перед другими женщинами своим «приобретением», наоборот, ей отвратительны их пошлые восторги, она не льстит на жильё, на содержание за счёт мужчины и бесповоротно отказывается от желанного до поры до времени брака. Ведь сердечность в отношениях любящих людей имеет целью совсем не владение, а взаимопонимание, надёжность и уверенность в завтрашнем дне, в жизни в целом. Люся скорее воспринимает Валеру вроде капризного мальчика, которого пока никак не удаётся убедить в том, что добрая сказка лучше злой, в том, что лучше не лицедействовать, а жить просто, искренне. Конечно, здесь и заключался её шанс на счастье, её миссия, которую исполнить она не смогла. Зачатый ребёнок мог оказаться спасением, тем самым зерном света,

ростком неподдельной любви, прежде всего для неё самой, да и для Валеры, быть может, тоже. Хотя гарантии нет — в такие вещи можно только верить. Ясно одно: зло не победить злом, а своего добра Люсе, получается, не хватило на нескончаемый поток испытаний. И помощи ждать было неоткуда, кроме как от самой себя, но себя она потеряла.

Осенью в жизнь героев врывается новая перипетия: неожиданно на семинаре молодых литераторов Валеру объявляют талантливым поэтом, он становится популярным и впадает в эйфорию. *Лишь одно меня огорчало: сознание своей абсолютной непричастности. Он счастлив — а я ни при чём.* Когда-то отринутая книжка готовится к публикации. «Соло на трубе» переименовано в «Солиста хора». С удивлением и радостью Валера отмечает, что его вдруг все полюбили: раньше ему упрямо казалось — только завидуют. Валера с трудом скрывает удивление — он тоже, оказывается, способен к добродушию, а не исключительно к высокомерию.

Собственно, что произошло? После признания и популярности Валера заметно «оттаивает». Его гордыня на данный момент блаженствует, и он легко соглашается на компромисс: убирает из книжки несколько стихотворений, не устраивающих издательство, и цепляет к сборнику «паровоз», он же фиговый листок — *идеологически заряженное стихотворение*. Параллельно Валера освобождается от чувства вины за «обнажённую» выходку. Почему его, такого «независимого», не отпускало чувство вины? Для уяснения причины потребуется вернуться на вечеринку писателей — место встречи с Люсей.

Из многочисленной братии *нечётких, аморфных, расплывчатых* коллег — гостей юбиляра — Валера демонстрирует Люсе галерею избранных «карикатур». Мы видим колоритные портреты, слышим разные голоса и интонации героев третьего плана. Безымянный литератор в модном замшевом пиджаке, страстный «читатель» Сократа. Исписавшийся завистливый поэт Румянцев под парами о перемене места жительства, с него Валера потребует *подробный список вещей, над которыми нельзя смеяться*. В антракте споёт *шарманщик со своей обезьяной* — баянист и блондинка с коровьими глазами. Фантаст Шакальский, *небритый и дурнопахнущий*, поделится замыслом романа о клопах-трансформаторах и взвоят о пропащей доле русского фантаста в паутинах еврейского заговора. Картину довершит патриарх Бармалаев, перед которым, в окружении свиты, будучи изрядно пьян, Валера шокирующим перфомансом презрительно намекнёт на уровень способностей пишущей братии. И вот наконец Валере удалось услышать от Бармалаева (*не с целью извинения, конечно*) прощение за *шалость* — отпущение грехов получено. Теперь, после оценки таланта Валеры

и свалившейся на него долгожданной порции признания и славы, соратники предстали милыми людьми, старшими товарищами по цеху. Надо отметить, друзей, судя по всему, у Валеры никогда не было.

Однако на фоне приятных ему изменений Валере впервые показалось, что Люся... усмехается над его уступками общественным требованиям. Возможную насмешку над собой Валера воспринимает неадекватно-болезненно, но быстро успокаивается и по-деловому предлагает Люсе заключить брак.

Я даже ойкнула—так это было неожиданно. — Ты это... серьёзно?—испуганно прошептала я. (Почему, почему, почему я вдруг так испугалась?..)

Действительно, почему?

Приём умолчания вновь открывает просторы читательской интерпретации. Новая роль, казалось бы, такая желанная, долгожданная. Но скорее всего, женская интуиция обдала Люсю холодом страшного предчувствия: Валера втянул её в игру сил совсем не водевильной природы, первый испытательный акт в двух действиях она уже проиграла, и вряд ли ей удастся отказаться от роли во втором.

Самое время обратиться к не вошедшим в книгу лирики стихотворениям, которые Люсе было суждено прочесть и запомнить на всю жизнь, так и не догадавшись, почему именно эти стихотворения остались в памяти, а не те, что потом прочитает в книжке (получается, книжка была издана посмертно). Лирика традиционно выражает скрытые движения души—Люся, читая стихотворения, тщетно пытается разгадать их смысл. Так о чём же эти стихотворения?

Первое—о непомерной цене любых начинаний. Второе о том, что жизнь опасна, лг «Ухмылкой маскиру(ет) вечный страх», но, сбравшись, выходит навстречу судьбе лишь для того, чтобы убедиться—наступил конец. В третьем хор мальчиков уступает место хору девочек, который зазвучит громче. В четвёртом стихотворении призыв к преодолению бесплодности. В пятом лг «*Всё растерял, всё продал, пропил*» и с презрением уходит «от всех». В последнем, шестом, муссируются тема рока и аллюзия к «Медному всаднику». Подборку стихотворений можно рассматривать и как иллюстрацию творческих усилий Валеры, и как поэтическое автопредсказание.

И ещё.

Почему он ни разу, ни в одном из своих стихотворений—ни в книжке, ни в тех стихах, что были выброшены...—почему он ни разу не упомянул обо мне?!

Люся терзается сомнениями, пытается хоть как-то себе объяснить причину назревающего ухода и отказа от брака. Выводы её открытиями не навзвёшь, положение вещей она прекрасно

видела с самого начала. *Я была ему не интересна! Я казалась ему слишком простой и понятной, до прозрачности... Вот и решила щёлкнуть его по носу... и перестаралась.*

Впрочем, возможно, всё это—лишь поздние, нынешние мои домыслы, а тогда я и сама не осознавала подлинных мотивов своих поступков. Не могла ничего понять, объяснить... да и не пыталась. (...) Вероятно, уже тогда во мне было предчувствие, что скоро всё кончится, и кончится плохо!.. Быть может, я просто хотела бессознательно уклониться от участия в этом финале, и спасительный (подлый!) женский инстинкт гнал меня: прочь, прочь.

Месьт (И вот тут меня обожгло стыдливой радостью: а ведь это не он—я! я его бросаю!..), конечно, была Люсиной очередной ошибкой. Она и должна была уйти, но не из мести, а чтобы разобраться в себе, в своих чувствах и, быть может, понять, что нуждается в совершенно иной модели любви, нежели слепая зависимость.

Люся, уходя, впервые услышит просьбу Валеры с ним серьёзно поговорить, объяснить причину неожиданного для него поступка, но Люся не знает, что ему ответить, она просто подчиняется инстинкту. *Когда разберусь во всём, соображу—тогда обязательно приду и попробую тебе объяснить.* Получается, не сильно-то Люся зависела от постельного рая—ведь она даже не к другому мужчине уходит, о чём сама себе с горечью говорит, да и Валера прекрасно знает, что никого, кроме него, у неё никогда не было. Тем не менее Люся впервые для себя озвучивает задачу разобраться в происходящем. Возможно, она бы и справилась, поняла, что Валера и сказочный образ, в который безоглядно влюбилась, совершенно не совпадают—драма вечной раздвоенности реальности и фантазий, любовь и ненависть в одном флаконе, которые крайне сложно на практике разделить и преодолеть. Ещё сложнее встретить человека цельного.

Второй акт стремительно приведёт к необратимой развязке. Валера фактически подставит шею Люсе, находящейся в состоянии аффекта, *а лезвие так ослепительно сверкало, так ослепительно... так невыносимо ослепительно...*

Чем глубже вчитываешься в повесть, пытаешься понять героев, тем яснее понимаешь, и в этом тоже магия текста, что оба героя—слепые жертвы, и убийца, и убиенный—оба вызывают искреннее сострадание.

Люся изначально страдает низкой самооценкой и неспособностью к анализу происходящего—ей сочувствуешь как безнадежной больной. Убив своего ребёнка, она не избавилась от привязанности (как это удалось Медее, заплатив за освобождение от любви к Ясону чудовищный выкуп), а навсегда вернулась в клетку, которую неоднократно

попыталась покинуть. Как Маргарита Фауста, она оказалась податлива чужому влиянию, вяло поддавшись течению обстоятельств. Ей, действительно, свобода ни к чему — на поверку реализовывать оказалось нечего, если что изначально и присутствовало (тот же порыв получить приличную специальность) — вверзлось в пропасть рокового чувства. Её желание исполнилось — любимый человек навсегда с ней, но легче от этого не стало.

Валера изначально вызывает впечатление человека разочарованного и болезненно эгоцентричного. Он, здоровый, красивый, талантливый мужчина с высшим образованием, обеспеченный жильём, не в силах простить судьбе ни рождения «не у той матери», ни грязного соблазна юности, которому не смог противиться, окончательно растлив душу — никто не спорит, испытания для личности впечатлительной серьёзные, но случаются и тяжелее, и с последствиями необратимыми. Однобокая картина мира, в которой он безнадежно увяз, не имеет опоры на вечные ценности, у неё нет никакой концепции развития, нет ни прошлого, ни тем более будущего, она мрачна настолько, что лучше бы не родиться — именно эта участь и постигает его ребёнка, о котором он даже не узнает. Валера безнадежно одинок и мучается бессмысленностью существования, от которого пытается убежать, непрерывно играя. Да и кому он мог бы открыться? Ведь он в принципе не допускал, что кто-то его поймёт. И, по большому счёту, не ошибался. Ну кто поймёт его самый радикальный посыл? Ведь Мать — жизнь подарила, и уже потому — Мать, а прочее среди людей положено великодушно прощать, во всяком случае, стремиться к тому, по-детски не путая священное понятие со слабостью опустившейся женщины.

В этой повести добро не победило. Но жизнь продолжается. Живы и здравствуют, хотя и порознь, Вика и Кузя. Поэты продолжают писать стихи. Джоконда в Лувре одаряет всех загадочной улыбкой. Читатели читают книги и думают о них. Конечно же, затем, чтобы добро могло выдерживать натиск зла и побеждать, чтобы любовь не была назывным чувством и чтобы счастье было не только сном в майскую ночь.

Общая интерпретация данной повести может быть сведена к реализованной метафоре расхожих отношений между мужчиной и женщиной, ведь формальных семей на порядок больше, чем счастливых. Вечная встреча на балу Золушки с прекрасным Принцем вскоре теряет паркет под ногами, пара в ритме вальса переносится на качели межличностных отношений. Однажды их сорвёт с несущей оси — женщина зарежет любовь как барана, «*почти не испорти(в) его красоту*», и спокойно продолжит существование с воображаемым образом, смирившись с реальностью. Убить за один раз

своего ненаглядного она, конечно, не может — чело-веческая психика этого не позволяет, женщина будет убивать мужчину (или наоборот, мужчина — женщину, разницы никакой) в меру индивиду-альных особенностей и талантов на данной ниве. Безусловно, за пределами текста открыты дру-гие пути реализации бытового мифотворчества.

Однако эта интерпретация слишком общая, чтобы ответить с весомой долей убедительности на вопрос, который назревает на протяжении всего содержания: почему, ну почему Валера так и не смог открыться Люсиной любви, которая была послана, не иначе как ему во спасение, вроде лодки утопающего? Ведь Люся искренне его лю-била, да и он начал меняться — дело шло ко вполне житейской развязке. Речь не идёт о читательской потребности хэппи-энда, проблема глубже, её хо-чется понять — она настолько крепко укоренена в тексте, композиционно завершена, что финал при всей его неожиданности вовсе не кажется данью модным литературным течениям.

Можно отговориться, что Люся не оказалась диковинным кладезем терпения и мудрости, что Валера — безнадежный циник. А можно присталь-нее взглянуть на историю, рассказанную Люсей.

Вернёмся в начало. Валера, несмотря на договор на издание своей первой книги, мается в одино-честве и тоске. Он вынужден был добиваться признания в обществе, которое откровенно прези-рирует, и вот, наконец, признание получено, но ни от кого, кроме как от Вики, он не почувствует искренней радости за свой успех, лишь зависть сквозит в «поздравлениях». Будущее не сулит ничего хорошего: он никому не интересен, ни без успеха, ни с успехом; его никто никогда не поймёт. Возможно, он думает о смерти и возмо-лился о занавесе дурной пьесы. И в этот момент Вика знакомит его с юной барышней. Валера чув-ствует, как нечто, той непонятное, побуждает её при знакомстве встать и по-старинному сделать книксен (видимо, ничего подобного ему до сих пор испытывать не приходилось, сигнал принят: «*Забавно*»). Люся тоже интуитивно почувствовала мгновенно вспыхнувшую между ними связь. Ис-полнительница Валере понравилась, это хороший знак, её любовь — залог того, что она исполнит все его желания, ни перед каким не остановится, надо лишь виртуозно играть, осторожно вести её сквозь спектакль к финалу. (Ещё жёстче: вот душа, которой будет заплачено за извращение — договор подписан.) Конечно, Люся не догадывается, что её ждёт, с какой целью, быть может, ясно увиденной и чётко запечатлённой Валерой, они встретились. Возможно, почувствовав вкус иной жизни, Валера пожалеет об избранном сценарии и даже захочет переиграть второй акт. Казалось бы, самое вре-мя позволить Люсе остыть от сверхнапряжён-ных отношений и самому отойти от привычных

розыгрышей, осмыслить, наконец, происходящее. Он так и не понял, что Люся никогда, никогда не играла в чувства. И для того чтобы её вернуть, надо не висельника «заказывать», а самому измениться. Но подобные идеи лишь нерешительно топчутся вокруг глухой крепости его миропонимания.

Здесь же уместно ответить на вопрос о смехе: почему Валера смеётся над Люсей? Линейка интерпретаций может быть довольно широкой, начиная от чувства превосходства, кончая тем, что любовь Люси оказалась для него платой за *конец*, а для неё ловушкой, захлопнувшейся в момент убийства. Этим актом Люся не только лишилась возможности когда-либо понять и Валеру, и себя в этой нездоровой истории, но и убила саму возможность её исцеления.

Люсин страх исчез—душа мертва и бояться больше нечего. Казалось бы, остались покой

и любовь. Но состояние постаревшей Люси напоминает скорее сомнамбулический самогипноз, нежели гармонию. *Повторяю, я тиха и спокойна.* Спокойствие её шито белыми (седыми) нитками и больше похоже, как сказал Валера, на *маразм, притворяющийся мудростью.* Спокойствие вмиг исчезает, когда милые ей воспоминания вдруг оборачиваются сомнениями. Валеру Люся убила, но его смех, его образ убить не смогла, поскольку адекватного замещения даже на ниве творчества найти не пыталась. Люсе недоступен катарсис, она так и не спустилась в зрительный зал, так и осталась на сцене, ослеплённая солнцем, да и сам Валера с этой сцены никуда не исчез. Но именно благодаря такому финалу, не позволяющему сладко уснуть, благодатный эффект катарсиса, просветляющий, очищающий чувства от мути эмоций, и доступен читателю.